

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

Сериал «Тонечка Морозова»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен

ТАТЬЯНА Устинова

Хроника гнусных Времен

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru

Редактор серии *А. Антонова*
Иллюстрации в книге *В. Лебедевой*

Серия «Татьяна Устинова. Первая среди лучших»
Дизайн переплета *В. Лебедевой*

Серия «Татьяна Устинова. Богиня прайм-тайма»
Дизайн переплета *Н. Каишькиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Хроника гнусных времен : роман / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-165010-0 (Устинова: Богиня прайм-тайма)

ISBN 978-5-04-165011-7 (Устинова. Первая среди лучших)

Кирилл никак не предполагал, что девушка в очках по имени Настя окажется ему настолько дорога, что он, плюнув на поездку в Дублин, будет заниматься расследованием смерти ее бабушки! Настя не верит, что бабушка погибла, уронив в ванну фен. Кирилл, обследовав дом, согласен с ней. И теперь не только Насте и ее родственникам, но и Кириллу хочется выяснить: на какие деньги полвека безбедно существовала старушка, которая оставила в наследство и бриллиантовое кольцо стоимостью в сто тысяч долларов, и домик на берегу Финского залива, и старинную библиотеку? И кто это шарит вокруг дома в темноте, кто пыгается уморить наследников старушки и отыскать остальные сокровища?...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165010-0
ISBN 978-5-04-165011-7

© Устинова Т.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Только теперь Спящая красавица умерла.
Людоед до сих пор жив и работает в город-
ском ломбарде оценщиком.

Евгений Шварц «Тень»

Это очень просто. Нужно только ни о чем не думать.

Все будет хорошо. Просто не думать о том, *как* это будет. Нельзя жалеть старуху. Хватит, пожила, пусть теперь даст пожить другим. Конечно, она ни в чем не виновата, но раз уж она оказалась прямо на пути, то и черт с ней. Ждать, когда помрет сама, — некогда. Времени мало, очень мало, совсем нет. Еще чуть-чуть, и она может открыть тайну, и тогда руки будут связаны. Надо успеть управиться.

Успеет!..

В коридоре горели всего две лампы, и пахло цветочным мылом и еще какой-то парфюмерией — старуха наводила красоту. Это она умела. Никто в жизни не дал бы ей ее семьдесят с гаком.

Лето, жара, питерское солнце, ошалев от собственной смелости, плавит асфальт. Упоительно, как бывает только в детстве, пахнет битумом, свежескошенной травой и водой из Невы. Бабушка покупает мороженое. Она всегда покупает мороженого столько, сколько захочешь. Хоть у каждого ларька. Продавщица улыбается, шершавый толстенький вафельный стаканчик увесисто холодит ладонь, и мороженое сверху сразу начинает подтаивать, и его приятно слизывать, и язык становится ванильным и твердым от холода. Бабушка хохочет — она никогда не смеется просто, она всегда хохочет, у нее белые зубы и веселые морщинки вокруг глаз — и поправляет невесомый газовый шарф в стиле пятидесятых, который летит

в невском ветру и питерском солнце как будто сам по себе. А у Исаакия — это всем известно — стоит еще одна тележка с мороженым, и, когда они дойдут до нее, бабушка купит еще, и можно не бояться, что это кончится слишком быстро.

Через минуту, если все пойдет по плану, она умрет.

И зачем только вспомнилось это дурацкое мороженое!..

Она весело прожила все свои семьдесят с гаком, ну и хватит, и все, и не надо думать об этом! Это просто дело, такое же, как все остальные дела. Ну пусть не такое же, но дело, только и всего. Ничего личного. Никаких воспоминаний, и черт с ним, с этим мороженым!..

Все было приготовлено заранее.

Вода плескалась, и старуха что-то пела себе под нос. Ей-то легко — она ничего не поймет и ни о чем не узнает. Ей было легко всю жизнь, и сейчас, в такой ответственный момент, ей тоже легко — почему такая несправедливость!

Дверь не скрипнула, стоило похвалить себя за предусмотрительность. Старуха сидела спиной, пела и любовно намыливала длинную, розовую от горячей воды руку. У нее были прямые плечи, и волосы забраны под цветастую косынку, и на шее не видно никаких морщин. Сознание на минуту сдвинулось и поехало куда-то — может, это и не старуха вовсе? Может, нужно обойти ее и... посмотреть?.. Чтобы не ошибиться?

Нет. Смотреть нельзя.

Два тоненьких проводочка вдруг как будто раскалились и теперь жгли ладонь, и не было стаканчика с мороженым, чтобы остудить ее.

Теперь быстрее. Нечего просто так тарашиться.

Ладно. Можно зажмуриться, чтобы не видеть, как это будет.

Проводочки невесомо скользнули по ладони и неслышно, как змеи, стекли в мыльную воду.

Дом как будто вздрогнул, и даже странно было, что ничего не произошло. Даже свет не погас. Пот потек по лицу, и его приходилось слизывать языком, чтобы он не попадал

на губы. Это было противно. К счастью, дверь в ванную, за которой помирала старуха, была уже далеко.

Интересно, это бывает быстро, как в кино, или нужно ждать?

Ладно. Ладно! Об этом нельзя думать.

В кармане были перчатки, которые плохо налезали на потные от страха руки. Нужно осторожно отцепить провод от уличного выхода проводки. Старуха уже давно должна проходить собеседование с архангелом Гавриилом.

Виниловые змейки, утратившие свою силу, показались теперь незначительными и скучными. Они легко наматывались на кулак, только оголенные хвостики были мокрыми. При виде этих мокрых хвостов опять накатила тошнота.

Теперь остается только закончить все, как надо.

В доме было тихо. Свет в коридоре горел, только старуха больше не пела. Пакет с феном лежал на столике, рядом с керамической вазой, которую они, дети, однажды разбили и за которую тогда им очень попало. Вазу кое-как склеили и водрузили на столик. Чтобы поставить в нее цветы, пришлось засовывать внутрь литровую стеклянную банку.

Дверь опять не скрипнула.

Да. В кино все показывают правильно. Старуха была мертва. Платка на волосах уже не было, седые космы плавали в воде, как невиданные отвратительные водоросли цвета перца с солью.

Платок нужно взять с собой. Это совсем лишняя деталь декорации. В кармане от него моментально стало мокро. Фен, вынутый из пакета, тихонько плюхнулся в воду, задев болтающуюся безвольную руку. От шевеления этой руки горло залила кислая рвота. Только этого еще не хватало!

Быстрее вырваться отсюда на волю, на воздух! Проклятая бабка!..

Да, еще пробки.

Белая пуговка с легким шелчком выстрелила в ладонь, и дом рухнул в темноту, как в пропасть.

Ну вот, теперь все в порядке.

Машина стоит совсем с другой стороны. На соседних участках никого нет, но осторожность прежде всего. За кустом смородины знакомая с детства дырка в заборе — через нее вошли, через нее и выйдем.

Все просто, даже проще, чем казалось сначала.

Ну что, бабуля? Как там тебя встретил архангел Гавриил? Куда направил? В рай?

Не может быть, чтобы в рай. В аду тебе самое место. Туда ты и отправилась.

Первый пункт коротенького списка можно считать выполненным. Осталось всего два.

Оказывается, убить — это так просто.

Он не хотел подслушивать, но сидел так, что слышал каждое слово.

— ...я больше не хочу, правда! Я специально позвонила, я только что с работы, устала как собака, а ты опять поддаешь, да еще с какими-то бабами!

— Ну с какими бабами, ты что? Да я даже не знаю, как ее зовут, честное слово! Это Витек с ней пришел...

— Какой еще Витек, никакого Витька нет, ты бы хоть врал как-нибудь поумнее! Я разве не вижу?! Сколько ты уже высосал своего пива?! Бочку?!

— Насть, ну правда, ну послушай меня, я понятия не имею, что это за баба...

— Однако она у тебя на коленях сидела, когда я подошла!

— Ну что ты выдумываешь-то, Насть!

— Слушай, хватит, а? Все, я уезжаю домой и не хочу больше ничего слушать! Я тебя специально просила, а ты!..

— Ну давай я с тобой поеду, что ты, ей-богу! Вечно ты начинаешь...

— Это не я начинаю, это ты начинаешь, хотя я миллион раз...

— Ну давай, давай я поеду, только мне надо выкупаться.

— Хорошо, купайся, я подожду.

— Пойдем к ним, неприлично же. Что ты меня, как маленького, отчитываешь! Давай садись, а я искупаюсь. Где ты припарковалась?

— Нигде. У моста.

Зажигая сигарету, Кирилл искоса глянул на ссорящуюся парочку, и все стало ясно.

Она была обыкновенная — короткое полотняное платьице, туфли без каблука, гладкие волосы, очки и необъятный портфель, который она судорожно прижимала к боку. Он — высокий, широкоплечий, рельефный атлет с лицом, красным от смеси пива, унижения и желания оправдаться.

Он хватал ее за руки и за ремень портфеля, а она отпрыгнула от него, увязая в песке офисными туфлями, и отцепляла от себя его руки.

«Ребята», в непосредственной близости от которых разыгрывалась милая семейная сцена, деликатно смотрели в другую сторону, а лежащая на полотенце девица, такая же рельефная и фигуристая, наоборот, смотрела пристально и усмехалась со злорадным превосходством.

Ну все, парень, решил Кирилл. Ты пропал. Что ж ты жопу с титьками на колени посадил, когда должны были приехать портфель с очками? Или от пива развезло совсем?

Девушке в очках он сочувствовал не слишком.

Ему все стало понятно с первого взгляда, и он не верил, что кому-то что-то может быть непонятно.

Ты просила его провести вечер вместе, а он ушел от тебя на пляж с «ребятами», грудастой макакой и ящиком пива. Каждому свое. Вместо того чтобы выкрикивать какие-то бессмысленные угрозы, и вырывать руку, и разъяренно сверкать на макаку очками, а потом все же тащиться за своим Аполлоном к «ребятам», и делать вид, что ничего не произошло, и бодро закуривать предложенную сигарету, и старательно не смотреть на совершенное загорелое тело в двух веревочках — где-то в районе бюста и где-то в районе бедер, — и игнори-

ровать победительную улыбку, и покорно выжидать, когда Аполлон все же соизволит пойти с тобой — а может ведь и не соизволить! — вот вместо всего этого взяла бы ты свой портфельчик, села бы в свою машину, припаркованную у моста, да и поехала домой, телевизор смотреть и на диване валяться.

Кирилл Костромин не признавал запутанных отношений и не верил, что раны можно лечить путем постоянного ковыряния в них.

Впрочем, это совсем не его дело.

Ему нечем было заняться этим вечером в Питере, и он даже жалел, что принял от партнера приглашение на шашлыки. Завтра до обеда он проваляется в отеле, если только ему не взбредет в голову какая-нибудь пионерская фантазия, вроде, например, посещения колоннады на Исаакиевском соборе или прогулки по Летнему саду. К трем его ждут на даче, полдня и полночи придется попеременно пить, есть и париться в только что возведенной партнером баньке, которой хозяин гордился ничуть не меньше, чем Монферран своим бессмертным творением.

К полудню субботы Кирилл Костромин проснется с чужунной башкой и отвратительным настроением, которое всегда наступает у него назавтра после попойки, и — в Москву, в Москву!

Хорошо еще, если проснется в своем отеле, а не на чужом диване в обществе чего-то вроде той макаки с веревочками в районе бюста.

Тугой теплый ветер бросил в щеку песок. Кирилл открыл глаза. Мимо, сверкая розовыми поросячьими пятками и вздымая чистый песок, прошлепал щекастый бутуз в панаме и с ведром на буксире. Кириллу стало смешно. Он проводил бутуза глазами и снова зажмурился, подставляя ветру лицо.

Нева плескалась у ног, норовила залезть в ботинки, но ему лень было подняться и переставить их подальше. Город шумел на том берегу, а казалось, что далеко-далеко. В небе сияло два солнца — привычное и гигантский золоченый

купол Исаакия. Нева пахла водой и свежестью, а вовсе не бензином, как изнемогающие московские сточные каналы, гордо именующиеся реками. От нагретого серого камня Трубецкого бастиона несло ровным теплом, и Кирилл даже слегка недоумевал, почему никогда раньше ему не приходило в голову просто посидеть на пляже у Петропавловской крепости.

Он заехал сюда случайно — среди дня вдруг кончились дела, и он понял, что не знает, куда деться до вечера. Хотелось есть, но на Невском негде было поставить машину. Он долго ехал, потом куда-то повернул, попал на Большую Морскую с односторонним движением, выискивая место для парковки, не нашел, и в конце концов его вынесло на Дворцовый мост. За мостом была стоянка, но не было ресторана — по крайней мере в зоне видимости, — и он пошел к Петропавловской крепости, осеменяющей огромное знойное небо золотыми крыльями летящего ангела.

Пивнушку под зеленым тентом с шаткими пластмассовыми столами и стульями он обошел стороной и развеселился, осознав собственную осторожную брезгливость.

Эк тебя угораздило, господин Кирилл Костромин!

Не подходит тебе пивнушка. Брезгуешь.

А столовку для дальнобойщиков в городе Мелитополе забыл? Как ты там борщ наворачивал и какие-то немислимые котлеты, хорошо, если из бумаги, а не из навоза, не помнишь? А как автостопом в Крым ехал и там с голодухи по темноте рылся в помойке за кафешкой с шикарным названием «Чайка», отыскивая съестное? Как грузчиком нанимался в овощной ларек и таскал из ящиков желтые, вонючие толстокожие огурцы, больше похожие на мелкие дыни? Как яблоки воровал из колхозного сада, тоже, конечно, не помнишь?

И лет-то с тех пор прошло всего ничего — вовсе не сорок и не пятьдесят, а только десять.

— ...поставь меня сейчас же, я сказала! Отстань! Отцепись! Прекрати сию минуту! Ну!..

Очевидно, поединок очкастого портфеля в полотняном платье с бронзовым Аполлоном разгорелся с новой силой. Кирилл нехотя открыл глаза и посмотрел в ту сторону.

Аполлон легко, как в кино, тащил ее в Неву, вместе с очками и портфелем, а она молотила по нему бледными кулачками и злилась, кажется, по-настоящему. Блондинка перевернулась на бочок, подперла щеку и наблюдала с интересом.

Все правильно. Никуда ехать с тобой он не собирается. Он совершенно уверен, что ты просто ломаешься, в тебе разыгралась женская дурь, сейчас он тебя развеселит, пощекочет, потреплет, нальет пива, и ты успокоишься, повеселеешь и станешь такой же, как они, — «нормальной девчонкой».

Вот скука.

Кирилл дернул рукой, чтобы часы съехали на запястье. Он просидел на этом пляже два с половиной часа — надо же! Когда в последний раз он вот так — ни на что — тратил драгоценное время?

Все-таки нужно найти ресторан и поесть наконец. Или ничего не выдумывать и вернуться в свой «Рэдиссон»? Там он еще ни разу не ужинал.

Он поднялся и стряхнул песок с безупречных светлых брюк. Солнце убралось за Петропавловскую крепость, и в небе сиял теперь только Исаакий, и набережная шумела машинами, и Дворцовый мост парил над Невой, и чайка, распластавшись над темной водой, высматривала добычу.

Кирилл любил Питер с тех самых пор, как в первый раз, лет в восемнадцать, приехал сюда автостопом и болтался в толпе нестриженных хиппи в кафе «Сайгон» на углу Владимирского проспекта. Там его подцепило золотоволосое растение женского пола, которое звали Луна. У Луны были длинные, почти белые волосы, зеленые русалочьи глаза, вечная сигаретка в розовых губах сердечком, родинка на правом плече и совершенно определенное представление о том, как именно следует переделать жизнь, чтобы она стала простой и прекрасной. От роду Луне было шестнадцать

лет, и она ушла из дома в коммуны как раз для того, чтобы начать переделывать эту жизнь по-своему.

Тогда их представление о переустройстве мира заключалось в курении марихуаны, пении странных песен, вплетении в лунные волосы разноцветных шерстяных ниток, старательном — с высунутым от усердия языком — вырезании на джинсах удивительных фигур, полосочек, звездочек и кружочков, нанизывании бус и в бурном шестнадцатилетнем сексе на тощих матрасах, наваленных прямо на полу жутких коммунальных квартир.

Потом за Луной явился папа в сопровождении милиции, и Кириллу Костромину тогда чуть было не пришел конец.

Как это он выбрался из всего этого?

Самое странное, что нынешний «Рэдиссон», в котором Кирилл останавливался, привычно не замечая его богатого благолепия, как раз заменил собой тот самый знаменитый «Сайгон», как нынешний Кирилл Костромин заменил того, кто резал джинсы, заплетал косы и потел на древней вате бугристых матрасов.

Он обулся на щекотной, ровно подстриженной траве и еще обошел крепость, влез по шаткой лестничке на Трубечкой бастион, откуда открывалась «Невская панорама», как это именовалось на плакате над кассой. «Невская панорама» предлагалась за десять рублей. Детям и пенсионерам — скидка.

Все-таки турецкоподданный Остап Бендер-Бей был большой молодец. Скольким ребятам он благородно указал путь отъема денежных средств в рамках Уголовного кодекса! Ему бы не в Одессе памятник, а у каждой «Невской панорамы» по памятнику поставить, это было бы справедливо.

Кирилл спустился по другой лестничке и побрел к своей машине в толпе громогласных немецких туристов, которых неизвестно зачем принесло на ночь глядя в Петропавловскую крепость.

Машина, оставленная на солнце, раскалилась, как забытый на плите чайник. До руля нельзя дотронуться, кресла исходили

синтетическим жаром, и страшно было даже подумать, что придется опустить себя в огненную обивку — жерло вулкана.

Он запустил двигатель, включил кондиционер, оставив стекло открытым, а сам предусмотрительно остался снаружи — покурить.

И тут он снова ее увидел. Ту самую, что в очках, с портфелем и Аполлоном.

Она сидела в двух шагах от него, в старенькой «Хонде», которая хрюкала, плевалась и не заводилась. В машине она была одна, Аполлона поблизости не наблюдалось. Очевидно, эту партию он выиграл и остался допивать пиво на пляже с «ребятами» и макакой.

С каждым поворотом ключа «Хонда» хрюкала все слабее и слабее, а девица все крутила и крутила стартер, приближая безвременный конец своей машины.

Да и черт с ней. Не станет же он вмешиваться. Это совершенно не его дело. И девица ему не понравилась еще на пляже. Кирилл не любил, когда позволяют вытирать о себя ноги, а она позволяла, да еще публично.

Он посмотрел на свою сигарету. От курева есть захотелось еще больше.

— Девушка, — сказал он, рассматривая сигарету, — у вас аккумулятор сел. Когда в последний раз вы выключали фары?

Она мрачно взглянула на него, дернула головой и с ожесточением повернула ключ зажигания. «Хонда» прощально кашлянула и затихла. Было совершенно ясно, что навсегда.

— Ч-черт, — сморщившись, выговорила девица, — черт, черт, черт.

Кирилл докурил свою сигарету и бросил окурочек в урну.

— Я ее теперь ни за что не заведу, — сказала девица, обращаясь к рулю своей страдальницы-машины, — она «автомат». Конечно, фары. Я их вечно забываю. И сейчас забыла.

— Поздравляю вас.

— Спасибо, — неожиданно ответила она, выскочила и задрала капот. Некоторое время молча рассматривала мотор, а потом обратилась к Кириллу: — У вас есть «крокодилы»?

Кириллу не хотелось с ней возиться. Конечно, у него были «крокодилы», но проще было сказать, что нет.

Однако сказать он ничего не успел.

— Пожалуйста, — попросила девица, моментально став смирной, — если можно, пожалуйста. У меня сегодня день такой. Ужасный.

— Ну да, — согласился Кирилл и пошел к своей машине.

Конечно, он не может просто так взять и уехать. Раз уж вообще с ней заговорил. Придется быть благородным до конца.

Он погрузился в кондиционированную прохладу салона и с наслаждением подышал, выгоняя из легких жару и сухость. Льняная рубашка липла к спине, и он с неудовольствием подумал, что даже не знает, нет ли на ней мокрых разводов. Плохо выглядеть Кирилл Костромин не любил.

Он повернул ключ — мотор заурчал сыто и почти неслышно, — вырулил из-за «Хонды», встал во второй ряд и включил аварийную сигнализацию. Девица из-за задранного капота наблюдала за его перемещениями с настороженным интересом.

— Я думала, что вы уезжаете, — сказала она, когда он вылез.

— Я раздумал в самый последний момент, — сообщил он и открыл багажник. В багажнике был идеальный порядок, чистота и красота, как в номере «Рэдиссона».

— Ничего себе, — протянула девица за его плечом.

Он с неудовольствием оглянулся и чуть не задел носом ее очки.

— Как это у вас получается? — спросила она и поправила очки. — Я имею в виду порядок.

— Само собой как-то, — буркнул Кирилл и достал из кожаного мешочка сверкающие «крокодилы». — Вы умеете их цеплять?

Девушка посмотрела на «крокодилы» и перевела взгляд на него. Глаза у нее были зеленые и очень печальные, как у спаниеля, потерявшего хозяина.

Впрочем, так оно и было. Хозяин хоть и не потерялся, но остался на пляже, а спаниель понуро потрусил домой.

— Умеете?

— Конечно, — сказала она и улыбнулась, — сто раз цепляла. Я же говорю, что все время забываю фары выключать.

— Ну и напрасно. — Ему не хотелось с ней любезничать. — Давайте побыстрее, мне нужно ехать.

Она поняла все правильно и больше с ним не заговаривала.

Старушка-машина завелась со второго раза, и Кирилл отцепил «крокодилы».

— Спасибо, — сказала девушка, передавая ему вторую пару блестящих железок, — большое вам спасибо. Вы меня очень выручили. Мне не хотелось здесь... задерживаться.

Ну конечно. А вдруг твой Аполлон с Аполлоншей возжелали бы немедленно уединиться в «уютном гнездышке», а тут посреди дороги ты со своим аккумулятором! Что бы ты тогда стала самой себе врать, чтобы в следующий раз опять тащиться за ним и делать вид, что все нормально и ничего *такого* не происходит?

— Вы из Москвы, да? — спросила она, посмотрев на номера его машины.

— Да.

Кирилл захлопнул багажник и сел за руль.

— До свидания.

— Подождите, — вдруг быстро сказала девушка, и он посмотрел с удивлением и недовольством, — не уезжайте. Я понимаю, что это, конечно, неприлично, но все-таки... Вы ведь не поедете в свою Москву прямо сейчас, правда?

— Не поеду. — Теперь он смотрел на нее во все глаза.

— Конечно, не поедете. Уже полдевятого. Выпейте со мной кофе. У меня, правда, очень плохой день. Просто ужас-

ный. А впереди еще целый вечер, и мне совсем некуда пойти. И не с кем. Вы только не подумайте ничего такого...

— Все такое я уже подумал.

Она заправила за ухо волосы, которые и так были стиснуты заколкой туго-туго.

— Сегодня похоронили мою бабушку, — сказала она тихо. — Я ее очень люблю. Она необыкновенная. И умерла так... неожиданно. Только ради бога, пожалуйста, не думайте, что я душевнобольная или проститутка. Если вам совсем не хочется, я от вас отстану.

— Поедем на моей машине, — сказал Кирилл Костромин, отказываясь верить тому, что это говорит он. — Вашей я не доверяю. Вы знаете, где здесь можно поесть?

— В переулке за Кунсткамерой есть хороший ресторан. Туда ехать всего ничего. И спасибо вам большое.

— Ничего не спасибо, — сказал он с досадой, — просто я очень голоден.

— Я поеду на своей машине, — торопливо сказала она, боясь, что он передумает, — а вы за мной. Это очень близко. За мостом сразу направо и еще раз направо.

Кирилл кивнул и сдал назад, освобождая ей место для выезда.

Куда его несет? Свободное время всегда как будто проделывает дыры в его мозгах, и все здравые мысли улечиваются через эти дыры. Она ведь ему даже не нравится, не говоря уж о том, что он совсем ничего о ней не знает, кроме того, что у нее имеется древняя машина, Аполлон и она все время оставляет включенными фары.

Ну и что, спросил тот самый Кирилл Костромин, который был когда-то хиппи. Ничего же не происходит. Ну, поужинаешь ты с ней. Самые большие потери, которые могут быть, — это то, что тебе придется заплатить за ее ужин. Ничего, переживешь, не пообедаешь. А так сидел бы весь вечер один, как сыч или древний дед, тарашился на веселых людей

и курил одну сигарету за другой. Хорошо хоть в «Рэдиссоне» проститутки не липнут.

Под светофором он немного растерялся. Нужно было перестроиться в крайний правый ряд, а он, незнакомый с питерским движением, обнаружил это только в самый последний момент.

Старушка-«Хонда» ласточкой перелетела перекресток, а Кирилл застрял. «Хонда» скрылась из виду, и он вдруг расстроился от того, что потерял ее.

Придется тебе все-таки сидеть одному в углу, ох, придется, сказал ему тот самый Кирилл, что был когда-то хиппи. Впрочем, кажется, именно об этом ты мечтал пять минут назад и ничего не хотел так сильно, как чтобы тебя оставили в покое.

Он осторожно двинул машину, стараясь выскочить с перекрестка первым, и, как только зажглась зеленая стрелка, вылетел вперед. Старенькая «Хонда» поджидала его за поворотом набережной. Из-за светофора ему не было ее видно.

Личико у сидящей за рулем девицы было мрачным и отрешенным, как у колдуньи из американской сказки, и Костромин в первую секунду удивился — неужто так переживает из-за того, что он отстал от нее?

Ах да, вспомнил он тут же. Бабушка умерла. И Аполлон загулял на пляже.

— Я уж решила, что вы передумали, — сказала девушка, когда он притормозил рядом. — Следующий поворот направо, и можно парковаться.

Ресторан был вполне фешенебельным — с плиточным полом, тонированными стеклами и кондиционером. Все как надо. Туристы в белых брюках и просторных рубашках сидели за столиками на мостовой, но девица решительно прошествовала внутрь. Кстати, он даже не знал, как ее зовут.

— Да, — сказал он в худенькую льняную спину, — меня зовут Кирилл Костромин. Можно Андреевич, а можно просто Кирилл. Только на «вы».

Попрошу не фамильярничать, вот что это означало. Мне с тобой не по пути.

— А я Настя. Анастасия Сотникова. — Она оглянулась, блеснув ему в лицо очками и заученной неискренней улыбкой. — У меня даже визитка есть. Сейчас, одну минуточку.

Он хотел сказать, что ему вовсе не нужна ее визитка, но она уже ожесточенно рылась в недрах своего портфеля, а из прохладной глубины зала к ним шел роскошный метрдотель, затмевавший своим сиянием всех известных Кириллу Костромину метрдотелей.

— Добрый вечер, — интимным тоном сказал он, подходя. — Столик на двоих или будут еще гости?

— На двоих, — ответил Кирилл и не глядя взял протянутую ему визитку.

— Тогда проходите сюда, пожалуйста.

Неуловимым движением он отодвинул стул для Анастасии Сотниковой, зажег свечу в пузатом бокале, выложил неведомо откуда две роскошно переплетенные карты, и все это почти одновременно.

— Аперитив? — спросил он потом, слегка — впрочем, весьма умеренно — наклоняясь над Кириллом.

— Минеральную воду, — сказал Кирилл брюзгливо, — холодную газированную. А вы, госпожа Сотникова?

— То же самое, — ответила она с улыбкой, явно пытаясь смягчить его грубость, хотя у этого метрдотеля на лбу было написано, что ему наплевать на всю человеческую грубость вообще и на Кириллову в частности. — Только с лимоном, пожалуйста. А есть я буду салат «Цезарь» и розовую форель. Попробуйте, Кирилл Андреевич. Здесь очень вкусно готовят рыбу.

— Хорошо, — в карту Кирилл даже не посмотрел, — пусть будет форель и «Цезарь». Только не через три часа, а побыстрее, если можно.

— Конечно, конечно, — как из шланга поливая их избытком любезности, уверил метрдотель, — напитки?

— Мы уже заказали, — произнес Кирилл с нажимом, — минеральную воду. Вы забыли?

— Нет-нет. — Метрдотель поисточал еще немного любезности и отошел, как будто растворился в воздухе или его засосал кондиционер.

— Вам не нравится этот ресторан? — помолчав, спросила Анастасия Сотникова.

— Ресторан как ресторан, — ответил Кирилл, — а что?

Она пожала плечами:

— Просто вы как-то странно разговариваете.

— Почему странно?

— Как будто вам все очень не нравится.

Не предложив ей, он прикурил свой «Парламент» и ничего не ответил. Он всегда разговаривал с прислугой таким тоном — в ресторанах, отелях, спортклубах и самолетах. Он старательно воспитывал себя так, чтобы не замечать в них людей, и искренне считал это хорошим тоном.

— Я, наверное, нарушила все ваши планы? — заискивающе спросила девица. — Вы на меня злитесь?

— Уважаемая Анастасия Сотникова, — сказал Кирилл надменно, — не надо ничего выдумывать. Если бы у меня были планы, я бы никуда с вами не поехал.

— А я думала, что вы меня пожалели, — пробормотала она, и щеки у нее покраснели. — У вас было очень выразительное лицо. Там, на пляже.

Он был совершенно уверен, что на пляже она ничего вокруг не видела, кроме своего Аполлона и грудастой блондинки.

— Каждый выбирает по себе... — Глядя на дым от своей сигареты, он любезно перечислил: — Женщину, религию, дорогу...

— ...дьяволу служить или пророку. Знаю, знаю!.. Только при чем здесь это? Вы не можете с одного взгляда установить, правильно я выбрала или неправильно! — перебила она нетерпеливо, и он искренне изумился, впервые за этот вечер. А может, даже за неделю. Или за год.

Мало кто помнил или знал эти стихи. Почти никто. «Поколение пепси» никаких таких стихов знать не могло.

— Ну вот, — сказал он удивленно, — вы, оказывается, даже книжки читаете.

— То есть вас удивляет, что я не дура, — констатировала Анастасия Сотникова.

Кирилл хотел сказать, что ему нет никакого дела до ее умственных способностей, и вместо этого ответил:

— Ну, на пляже вы выглядели полной идиоткой.

— Я знаю, — печально согласилась она, чего он никак не ожидал. — Но я же вам сказала, что у меня сегодня очень плохой день. Бабушку хоронили. У меня была потрясающая бабушка, и сегодня ее похоронили, а я даже на поминки не пошла, потому что у меня совсем нет сил сидеть там среди чужих людей, выслушивать всю эту поминальную ахиною, и...

Кирилл перепугался, что она сейчас заплачет и ему придется ее утешать. Еще не хватало — ужинать в ресторане с незнакомой девицей, убитой горем, и выслушивать ее откровения о своей горькой судьбе! Однако она быстро справилась с собой. Выудила из гигантского портфеля пачку сигарет и то-ропливо закурила. Ему понравилось, что она не вытащила сигарету из его пачки.

— Мне очень нужно было, чтобы кто-нибудь сегодня со мной побыл, и вот что из этого получилось. Вы же видели...

— Видел, — согласился Кирилл, — только можно я не буду вам сочувствовать?

— Можно, — сказала она и, приподняв очки, быстро вытерла под ними, — какие-то сигареты дурацкие. Очень едкий дым.

— Поддельные, наверное.

— Наверное.

Возле их столика материализовался черно-белый официант, бесшумно поставил на скатерть запотевшие пузатенькие бутылочки с водой, переливающиеся чистотой стаканы и плоскую тарелочку с лимоном. Бутылочка интеллигентно

выдохнула газ, вода с приятным шелестом полилась в стеклянное нутро стакана.

Кирилл Костромин в очередной раз почувствовал прилив истовой любви к своим деньгам, которые позволяли ему в любое время получать все это — приветливых слуг, дорогую еду, прохладу среди знойного города, французскую бутылочку с искрящейся водой.

Слишком долго и, казалось, безнадежно у него ничего этого не было.

— Расскажите мне про вашу бабушку, — попросил он благодушно. — Она вас растила?

— Нет. Для этого она была слишком независимой. Она никого из нас не растила.

— Из кого — из вас?

— Из внуков. Внуков трое. Двое племянников. У меня уйма родственников.

— У меня тоже, — сказал Кирилл и тут же пожалел об этом.

Он не хотел говорить о своих родственниках. Ему всегда было стыдно о них говорить. Зачем он вообще про них вспомнил?!

— А бабушка у вас есть?

— Нет, — ответил он неприязненно, — она давно умерла. Я ее почти не помню.

Конечно, он ее помнил.

Артритные руки, разбухшие от воды и огорода, цветастая кофтенка, одна на все времена, бедные волосы, зачесанные коричневым гребешком, запах хлорки и козьего навоза, толстые икры в нитяных коричневых чулках. Бабушка.

— Бабушка всех нас очень любила, — продолжала Анастасия, глядя в свою тарелку, — но всю жизнь не слишком возилась с детьми. Дед занимал всякие большие должности, у них всегда была домработница и няня, и, даже когда деда посадили, она как-то так умудрялась устраиваться, бытовые проблемы ее никогда не касались. Дети были сами по себе, а она сама по себе. Мой папа и тетя Нина, его

сестра. Хотя блокаду она пережила. Не знаю, как ей это удалось...

— От чего она умерла? Сердце?

Его бабушка умерла от инсульта.

Было очень жаркое лето. Солнце вставало, как будто в желтой дымке — под Москвой горели леса. Крохотный прудик за деревней пересох, дно растрескалось, как будто пыталось вывернуться наизнанку, спасаясь от безжалостного непривычного солнца. Бабушка целыми днями была в огороде — все горело, нужно было поливать. Так и умерла, уткнувшись носом в огуречную грядку, в лопушистые шершавые листья, которые она спасала.

«Отмучилась», — равнодушно сказала соседка Клавдия Степановна.

— Нет, — произнесла Анастасия Сотникова таким странным тоном, что Кирилл посмотрел на нее с удивлением, — не сердце. Несчастный случай.

Почему-то он решил, что несчастный случай может быть только на дороге.

— Она водила машину?!

— Водила. Всегда. Она жила в Петергофе, там деду когда-то дали дачу, и она туда переехала после того, как он умер. Она даже на прошлой неделе приезжала ко мне на машине. Только она умерла вовсе не из-за машины.

Кирилл даже представить себе не мог бабушку, которая водит машину. Что же это за бабушка такая?!

— Она принимала ванну и уронила в воду фен. Короткое замыкание, и... все. Несчастный случай.

Бабушка принимала ванну? Уронила фен?!

— Сколько ей лет, вашей бабушке? Двадцать восемь?

— Нет, — наконец-то она улыбнулась по-настоящему, открыв ровные белые зубы, — семьдесят три. А почему вы так удивились?

Он удивился, так как в его представление о жизни никак не укладывалось, что бабушка может водить машину и укла-

дывать волосы феном. Бабушка должна солить огурцы, полоть малину, варить картошку и на ночь расчесывать жидкие седые косы пластмассовой гребенкой.

Фен тут совсем ни при чем.

— Я до сих пор не могу осознать, что ее нет, понимаете? Мне кажется, что это невозможно. Почему ее нет? Я же на прошлой неделе с ней встречалась, мы пили кофе на Невском, в «Идеальной чашке», болтали три часа. Я ей рассказывала про Киру, и у нее было такое же лицо, как у вас на пляже. Я вас потому и заметила, что вы смотрели в точности как моя бабушка. — Она опять улыбнулась. — Кира — это тот мой приятель. Вы его видели. Его зовут как вас — Кирилл. Только почему-то все называют его Кирой.

Кирилл Костромин с неуместной поспешностью схватился за сигареты.

Господи, это еще откуда?! Это мерзкое, глупое, женское имя Кира, которым его потчевали все детство и всю юность?! Он слышать его не мог. Он его ненавидел. И даже был уверен, что все его беды от этого дикого имени.

«Сегодня Кира дежурный по кухне!» — бодрым голосом объявляла утром мать.

«Кира, почему по математике опять тройка?» — строго спрашивал отец.

«А Кирка в лагерь не хочет! — наперебой кричали братья прямо ему в лицо и валились от хохота на продавленный диван. — Кира — дура, Кира — дура!»

И эта «дура», гораздо более оскорбительная, чем «дурак», всю жизнь помнилась ему так, что от ненависти и безысходности сводило затылок.

— ...попробуйте, Кирилл Андреевич. Это вкусно.

Оказывается, принесли еду. Салат лежал на сказочной красоты тарелке хрусткой аппетитной горкой, и ничего этого не было — ни продавленного дивана, ни братьев, ни Киры-дуры.

Вокруг был Питер, лето, чистые скатерти, столовое сере-

бро — другая жизнь. Сытая, привычная, удобно устроенная. Его собственная.

— Бросьте вы его к черту, — сказал он хрипло, — это же кретину ясно — ничего у вас с ним не выйдет. Ну зачем вы приехали на этот пляж? Компанию повеселить? Продемонстрировать собственную дурость? Всем наглядно показать, что «она любила его, а он любил родину»? Кира! Надо же такое придумать!

Вилка звякнула о фарфор.

— Я, кажется, не просила у вас совета, — произнесла Анастасия Сотникова отчетливо, — большое спасибо, что вы приняли мое приглашение, но это совершенно не означает, что вы можете говорить мне гадости.

— Да никакие это не гадости, — досадуя на себя, заявил Кирилл, — все гадости вам уже сказали на пляже. Вернее, показали. А вообще говоря, вы правы. Это не мое дело. Прошу прощения. Наверное, это у меня от безделья. Я сегодня полдня не работал.

Она моментально уцепилась за спасательный круг и увела разговор — выбралась на безопасное мелководье, за что Кирилл был ей благодарен.

— Кстати, что у вас за работа, Кирилл Андреевич? Вы ведь здесь в командировке?

— Работа как работа, ничего романтического.

— И все-таки?

— И все-таки совсем ничего романтического. У меня фирма. Называется «Строймастер». Это разное оборудование для строительства.

— Мне кажется, я слышала, — сказала Анастасия задумчиво, — вы филиал в Питере не открываете?

— Уже открыли. — Он улыбнулся. — Вчера. Вы не слышали, вы в газете прочитали.

— Да. Точно. Это ведь большая фирма «Строймастер», — она как будто удивилась, — по-моему, даже в «Новостях» показывали. Огромный склад где-то по дороге в Гатчину. Это ваш?

— Наш.

— Вы производите или только продаете?

На этом месте Кирилл Костромин засмеялся. Искренне и с удовольствием.

Настя посмотрела внимательно — и вправду почти хохочет.

Такой надутый, важный, щекастый — и хохочет?!

— Это вы о том, что производства стоят, а весь бизнес занимается спекуляцией, уважаемая госпожа Сотникова? Там продал, здесь купил, а отечественный производитель в... — он чуть было не сказал «в заднице», но вспомнил, что он большой бизнесмен, на ужине с незнакомой дамой, и воздержался, — в сложном положении?

— Ну конечно, — ответила она, недоумевая, что его так развеселило, — в газетах только об этом и пишут.

— Мой вам совет, — сказал он, продолжая игру в «большого бизнесмена», — не читайте за завтраком большевистских газет. Вредно для душевного здоровья.

— Но ведь это правда!

— Да кто вам сказал?! Или вы на каком-нибудь отечественном производстве подвизаетесь?

— Нет, но...

— Вот именно, что нет. Нет никакого отечественного производства и не было никогда.

— Как не было? СССР — одна шестая часть суши, индустриальная держава, еще в тридцатые годы...

— Я ничего не знаю про тридцатые годы. Зато про восьмидесятые помню хорошо. А вы не помните? Мелкий частичек в томате и треугольные пакеты с молоком по два в одни руки? Пальтишки из шинельного сукна? Фарцовщики у магазина «Березка»? Продуктовые заказы по ветеранским карточкам ваша блокадная бабушка не получала? Раз в полгода — на Девятое мая и на Седьмое ноября?

— При чем здесь это?

— При том, уважаемая госпожа Сотникова, что даже одной шестой части суши ни за каким хреном не нужны оборон-

ные заводы по три в каждом городе. А других у нас отродясь не бывало. Правда, у вас в Питере имелся завод резиновых изделий «Треугольник». Но он и сейчас в большом почете, работает себе. Так что я никаких стенаний про российского производителя не понимаю. Я не знаю никаких российских производителей. «Красный Октябрь», что ли? Так он процветает. И остальные все, кто не танки делал или пулеметы, работают потихоньку и зарабатывают даже.

— У вас странная точка зрения.

— У меня нормальная точка зрения. Пройдет время, появится все, что нужно, — ткацкие фабрики, пекарни, свечные заводики какие-нибудь. Их и сейчас уже полно. Может, и до автомобилей дойдет.

— А у вас где производство?

— В Пензенской области, — сказал Кирилл, вдруг осознав, что совершенно неожиданно и не к месту распалился, — мы делаем щетки и кисти. Я же вам говорил, ничего романтического.

— Вы как будто оправдываетесь. — Настя посмотрела испытующе. Он собрался было возразить, но не стал.

Что это его так понесло? В высокие рассуждения о производстве ударился, да еще от романтики старательно отказывался, как будто заранее ее предупреждал, что надежды на него в этом смысле нет никакой, хотя она вовсе не проявляла к нему интереса — смотрела в тарелку, ковыряла салат, печалилась о своей необыкновенной бабушке.

Этот ее Кира во всем виноват. С него все началось.

— Доедайте, и поедем, — распорядился он, — одиннадцатый час.

— Да, — как будто спохватилась она, — неужели так поздно?

Доедать она не стала, и Кирилл, привычно расстроившись из-за брошенной еды, которую придется теперь выкинуть в помойку, попросил счет. У него с детства было очень трепетное отношение к еде.

Когда она стала совать ему деньги, он опять развеселился.

— Я вполне платежеспособен, — сказал он, глядя на нее с насмешливым превосходством. — Кажется, мы уже установили, что с моим отечественным производством как раз все в порядке. Или вы член американской лиги за равноправие женщин?

— Я не член лиги, — пробормотала она. Ему вполне удалось ее смутить. — Просто это я вас пригласила. Навязалась, можно сказать.

— Можно и так сказать, — согласился он, получая удовольствие от ее смущения и своего превосходства, — только заплачу все же я.

Он был хорош — самоуверен, снисходителен, любезен и загадочен. Самому себе он нравился. Он как бы со стороны заслуженно гордился собой — вот каким ты стал, Кирилл Костромин, вот как ты всему научился. Какая там «Кира-дура»!

Только немного странно было, с чего это он так старается — девица была совсем не в его вкусе.

Он шел за ней к машине, рассматривая ее полотняную прямую спину и стянутые в короткий хвост неопределенно-темного цвета волосы, и думал, что, пожалуй, провел вечер совсем неплохо.

Напрасно он так думал.

Уехать им не удалось. Ее машина не заводилась. Не помогли ни всемогущие «крокодилы», ни длительное совместное рассматривание чахлого мотора старушки-«Хонды». Ковыряться в нем Кирилл не стал бы даже под угрозой расстрела.

Хватит. Наковыряться в дикие дальнобойщицкие времена.

— Придется вам ее здесь оставить. — Ему до смерти хотелось в свой отель — выпить коньяку в лобби-баре, еще покурить в прохладе и покое огромного холла, подняться в свой номер и лечь спать. — Завтра вызовете какой-нибудь эвакуатор.

— Конечно, — согласилась Настя, и он понял, что она непременно заплачет, как только он отвернется. Впрочем, это были не его проблемы. — Конечно, так я и сделаю.

«Это не мои проблемы», — так говорил один его давний начальник. У него Кирилл Костромин учился жить и работать — бороться и перегрызать чужие глотки. «Это не мои проблемы», — сказал он однажды Кириллу, когда тот не уследил за кем-то из водителей, и через две минуты Кирилл Костромин стал безработным.

— Ну, давайте я вас отвезу, — внезапно предложил он, сердясь на себя, — если уж в этом городе не существует такси!

— Нет-нет, — сказала Анастасия Сотникова и все-таки шмыгнула носом. Глаза за стеклами очков у нее как будто увеличились и задрожали. — Спасибо вам большое, только возить меня никуда не надо! Я еду в Петергоф, в бабушкин дом. Это далеко, за городом, и вам совсем не по дороге. Я... доберусь как-нибудь. Спасибо вам большое, Кирилл Андреевич.

— В какой еще Петергоф! — сказал он злобно. — У вас же с машиной проблемы. Езжайте домой, не выдумывайте.

— Домой я не поеду, — ответила она твердо и зачем-то полезла в свой портфель. Она то и дело ныряла в него с головой, как в омут. — Спасибо за ужин, Кирилл Андреевич.

И выудила из портфеля носовой платок.

Рыдать собралась, понял Кирилл.

— Давайте я довезу вас до дому, — сказал он, нажимая на слово «дом», — конец света еще впереди. Это не конец света.

— Конец, — пробормотала она голосом придушенной мыши. Очевидно, ей стоило больших усилий держать себя в руках. — Домой я не могу ехать. Там... Кира. Я не могу его видеть.

— Черт бы вас побрал.

Он сунул руки в карманы — хотя много лет отучал себя от этой привычки — и еще постоял немного возле ее машины, погрузившейся в летаргический сон, и своей, вполне благополучной. Деваться ему было некуда.

— Хорошо, — сказал он, покорившись, — я довезу вас до этого вашего Петергофа. Только без разговоров. Садитесь, и поедem. Быстро.

— Не надо, что вы, Кирилл Андреевич!..

— Ну да. Вы должны были это сказать, а я должен был ответить, что одну на улице я вас не брошу. Считайте, что я так и ответил. Поехали, госпожа Сотникова.

— Настя, — сказала она, шмыгая носом.

— Настя, — согласился он.

В Петергофе он никогда не был и представления не имел, далеко ли до него.

По вечернему городу ехалось легко. Девушка — нет, Настя — молчала, только изредка говорила, где повернуть. Сидела она сторбившись, стиснув коленями ладони с носовым платком.

— Не убивайтесь вы так, — сказал он, не выдержав, — ничего страшного. У вас что, машина в первый раз ломается?

— У меня в первый раз бабушка умерла. Мне... трудно это пережить. Да еще навалилось все сразу...

Весь жизненный опыт Кирилла Костромина свидетельствовал о том, что все плохое всегда наваливается сразу.

— Переживете, — сказал он неприязненно, — нужно уметь держать удар.

— Ну да, — согласилась она безразлично, — конечно.

Конечно, подумал Кирилл, внезапно снова раздражаясь, как же! Какой еще удар, если она выросла в семье, где блокадная бабушка до последнего своего дня водила машину и «не слишком любила возиться с детьми!» Она, эта Настя, наверное, и слова-то такого не знает — «удар». Потому и с павианом по имени Кира возится — старательно ищет проблем и приключений ввиду их полного отсутствия.

Да и черт с ней.

— За заправкой направо, — сказала Настя, — потом все время прямо. Мы почти приехали.

Почему-то он думал, что Петергоф — это сплошь дворцы, аллеи, фонтаны и деревья, подстриженные под франтоватого пуделя, — и был странно удивлен, въехав в сонный зеленый городишко с двухрядной шоссейкой, узкими тротуарами и парковыми решетками по обе стороны дороги. Попалась какая-то церковь, неуместно большая и слишком русская для

глаза, привыкшего к европейской четкости Питера. Что за церковь?

— Летом мы всегда здесь жили, — проговорила Настя, не отрываясь от окна, — нас было пятеро. Соня, Света, Сережка, Владик и я. Дом выходит прямо на Финский залив. Мы сидели в нем круглые сутки.

— Вы же говорили, что ваша бабушка не выносила детей!

— Ничего подобного я не говорила, — она посмотрела удивленно, — я говорила, что она за нами никогда не ухаживала. Все правильно. За нами ухаживала Зося Вацлавна, домработница. И няню специально на лето нанимали. А когда я совсем маленькая была, еще одна девчонка с нами жила, внучка бабушкиных старинных друзей. Ее дед вместе с нашим то ли воевал, то ли в тюрьме сидел, и бабушка ее привечала. А потом они куда-то переехали. Так что быт у нас был... вполне помещичий. Как Никита Михалков в своих фильмах показывает. Знаете?

Нет, он не знал. Он ненавидел большие семьи. Он ненавидел шум, грязь, бардак, мелкие склоки, крупные ссоры, продавленные диваны, вопящих детей, захватанные обои, обшарпанную мебель, пластилин на ковре, борьбу не на жизнь, а на смерть за кусок хлеба, посыпанный сахаром, за каждую секунду невозможного, отчаянно желанного уединения. Он ненавидел жизнь в коллективе и не понимал, почему он обязан в нем жить. Он ненавидел слово «взаимовыручка» — главное и любимое слово его отца — и не понимал, почему он должен выручать сестер и братьев, для которых лучшим развлечением было устройство разнообразных пакостей друг другу и ему самому. Он ненавидел чужую заношенную одежду, растоптанную обувь, он ненавидел сочувственные взгляды в районном универсаме, которыми его провожали все продавщицы, особенно когда он повзрослел и неожиданно стал симпатичным. Он ненавидел покупки — семь батонов, три черных, два килограмма овсянки, и так каждый день.

И все это было совсем не похоже на помещичий быт из фильмов Никиты Михалкова.

Его почему-то очень задело, что она из многодетной семьи, как будто она призналась в чем-то постыдном и неприличном.

— И сколько же вас у родителей?

— Кого — нас?

— Детей.

— Нас у родителей несколько. У моих родителей я одна. У тети Нины, папиной сестры, Сережка и Светка. У тети Александры — Соня и Владик. Тетя Александра — бабушкина сестра. Только она намного ее моложе. Почти на пятнадцать лет. Я же вам говорила. Двоюродные братья и сестры. Племянники и племянницы. Вы, наверное, не слушали.

— Наверное, — согласился он, чувствуя облегчение.

Ему как будто снова не стало дела до ее семьи. Можно было успокоиться. Интересно, с чего он вообще разволновался?

— Сейчас еще раз направо, и мы приехали. Спасибо, Кирилл Андреевич. Я бы без вашей помощи сегодня совсем пропала.

Дом был огромный. Он не ожидал увидеть такой огромный дом, и вправду как в кино — с запущенным садом, с кованой железной решеткой вместо забора, с островерхой крышей, проглядывающей сквозь плотную резную зелень деревьев. И Финский залив открылся неожиданно, прямо под боком, за низкой порослью жестких кустов. Солнце валилось в него, зажигало темную воду, не давало смотреть.

— Господи, неужели ее больше нет? — пробормотала Настя и взялась за щеки. И с ужасом посмотрела на дом. — Как это, я приехала, а ее нет? Так не бывает. А, Кирилл Андреевич?

— Там кто-нибудь есть?

— В доме? Нет. Бабушка почему-то уволила Зосю Вацлавну. Месяца три назад. Скандал был ужасный, так мы и не узнали, почему она ее уволила. Бабушка гордая была, ни за что бы не сказала. Зося Вацлавна с ней жила, а новая,

Муся, живет отдельно, я даже точно не знаю, в городе или в Петергофе.

— Город — это, надо понимать, Питер?

— Ну конечно.

— Давайте я вас провожу, — предложил он решительно.

Все равно уйму времени на нее потратил, три минуты ничего бы не изменили, а дом на самом деле выглядел холодным и мрачным, как будто скорбел о хозяйке и не желал никаких перемен.

— Спасибо, — ответила она с облегчением, — большое спасибо. Мне так неудобно, что вы со мной возитесь.

Он не стал говорить положенное по этикету «ничего-ничего». Все правильно. Он возится с ней, и она должна быть ему благодарна.

По засыпанной гравием дорожке они пошли к высокому серому крыльцу, темневшему сквозь разросшуюся сирень. Гравий приятно хрустел под ногами, в сирени копошились какие-то поздние птицы, и все это очень напоминало кладбище.

Она подошла к крыльцу и остановилась.

— Только не говорите мне, что ключи от дома вы забыли в своей квартире, — попросил Кирилл. Голос его отчетливо и странно прозвучал в погребальной тишине сада. Что-то быстро прошелестело в кустах, как будто кто-то пробежал и замер, высматривая.

— Не забыла, — ответила Настя шепотом и, сделав над собой усилие, поднялась на крыльцо. Дверь открылась без всякого зловещего скрипа, просто открылась, и все. Внутри было темно. Не заходя, Настя пошарила рукой по стене, что-то сухо щелкнуло, но свет почему-то не зажегся.

— Света нет, — сказала она и оглянулась на Кирилла. — Почему-то нет света.

— Есть у вас свет, — ответил он уверенно, — фонарь же горит. Пустите.

Настя посторонилась, пропуская его в дом, и посмотрела на уличный фонарь над калиткой. Он и вправду горел, жидкий желтый свет был почти невидим в плавящемся вечернем солнце.

Как это он заметил?

— Где пробки?

— Что?

— Щиток с пробками где?

— А... в коридоре, справа, как войдете.

Он вошел в черноту дома и шелкнул зажигалкой. Длинный язык бензинового огня осветил бледный рисунок на обоях и черный бок старомодного счетчика. Над ним оказались четыре пробочных рыльца. Одна белая пуговка была длиннее других, и Кирилл нажал на нее.

В коридоре вспыхнул свет, где-то загудел холодильник, и Кирилл захлопнул зажигалку, гася ненужное, растворившееся в победительном электрическом свете пламя.

Наверное, не стоило спрашивать, но выбитые пробки навели его на мысль, от которой он не мог отделаться.

— Ваша бабушка здесь умерла?

— Да. Хотите кофе, Кирилл Андреевич? Я бы сварила. И лимон у нее есть. Мы всегда пьем... пили с лимоном.

Он посмотрел на часы. Так, чтобы она видела.

— Ладно, — согласился он, как будто после тяжелых раздумий, — варите. Что теперь делать.

Она сразу прошла на кухню, даже свой портфель в коридоре не оставила. Кухня была огромной, с гигантской старомодной плитой, с тяжелой мебелью — высокие стулья, темный буфет, круглый стол на выгнутых львиных ногах. Кирилл остался в коридоре. Эти пробки не давали ему покоя.

— Здесь можно курить?

— Конечно, — ответила она и что-то с грохотом уронила, — бабушка всегда курила и всем разрешала. Она говорила, что Ахматова всегда и всем разрешала курить в ее присутствии, а она ничем не хуже Ахматовой.

— Ну да, — пробормотал Кирилл неопределенно. — Мне бы еще руки помыть.

— Ванная дальше. По коридору и направо. На втором этаже тоже есть ванная.

— На второй этаж я, с вашего разрешения, не пойду.

Она не стала его провожать, и он вполне понимал ее. Именно в этой ванне умерла ее бабушка, уронив в воду злосчастный фен. Интересно, кто теперь будет жить в доме, похожем на склеп? Она сама? Или, может, ее родители, или — кто там? — племянники и племянницы?

Кирилл прошел по коридору, заставленному книжными шкафами и круглыми столиками с сухими цветами — он никогда не видел таких коридоров, — и зажег свет. Эта комната — по-другому ее невозможно было назвать — тоже была огромной. Кирилла поразило окно, выходящее в сад, и еще то, что ванна стояла прямо посередине.

Ему никогда не приходило в голову, что можно принимать ванну, глядя в окно.

Помещичий быт, черт его побери.

Низкая табуреточка, длинный шкаф с узкими дверцами, три полотенца на крючке, масса дамских штучек — флаконов и банок. Эта самая бабушка, очевидно, и в старости очень любила себя. Чего-то не хватало, и Кирилл быстро понял, чего.

Он ополоснул руки и вытер их прямо о свои светлые брюки. До полотенца ему не хотелось дотрагиваться.

— Здесь все поменяли, — негромко сказала Настя, и он оглянулся. Она стояла в коридоре, в ванную не входила. — Мама с Мусей здесь все... убрали. Сразу же.

— Как же ваша бабушка без зеркала обходилась? — спросил Кирилл.

— Да она его разбила, — Настя махнула рукой, — вернее, не она, а Муся. На прошлой неделе. Сердилась ужасно, говорила, что примета плохая, что теперь что-нибудь непременно случится. И случилось...

— Чушь, — сказал Кирилл быстро, — не ерундите. Никаких таких примет нет.

— И, главное, зеркало такое здоровое было, — проговорила она и вдруг заплакала, бурно, сразу, слезы полились ручьем, — я его всегда... полотенцем завешивала, потому что оно мне... мешало, когда я в ванне сидела... Сидишь как дура и смотришь на свою красную рожу, а бабушка сказала — примета плохая...

Он не знал, как нужно утешать. Он не любил плачущих женщин и не понимал, что с ними делать.

— Зажгите свет, — велел он, — я ваши пробки посмотрю. А то выключится что-нибудь ночью, перепугаетесь.

— Где зажечь? — Она судорожно всхлипывала, утирала щеки узкой ладошкой.

— Везде, — сказал он и вышел из ванной.

По очереди нажимая на белые кнопки, он выключил и включил свет во всем доме.

Странное дело.

— У вас их часто выбивает?

— Что?

— Пробки часто вылетают?

— Не знаю. Нет. Это же просто поселок, здесь нет никаких... энергоемких предприятий. Кофе готов, Кирилл Андреевич.

В молчании они попили кофе из темно-синих чашек. *Его* бабушка когда-то мечтала о таких. У соседки Клавдии Степановны были, а у нее нет. Теперь он мог купить ей завод, который делал такие чашки, только ей не нужен был завод.

Впервые в жизни Кирилл Костромин пожалел, что она умерла и он не может подарить ей темно-синюю чашку. Он никогда и ничего не дарил никому из родных.

— Я, пожалуй, поеду, — сказал он, поднимаясь. Больше ему ни секунды не хотелось оставаться в этом доме, с его тайнами и синими чашками. — Спасибо за кофе.

— Спасибо за участие, — сказала она и не поднялась, чтобы его проводить, — в город дорогу найдете?

— Как-нибудь, — пробормотал он.

Дверь тихо притворилась за его спиной, он сбежал с крыльца и остановился, прикуривая и выжидая, когда повернется ключ.

Ключ повернулся, и он зашагал по гравиевой дорожке к своей машине, дремавшей за кованой железной решеткой.

Усевшись, он первым делом включил приемник, который бодро запел про тополиный пух, жару, июль, заглушая все связанные мысли.

Ему хотелось скорее уехать, и, не жалея машину, он дал по газам, перескочил через канаву и на большой скорости пролетел тихий переулок. В зеркале заднего вида крутилась желтая пыль, и Финский залив блестел свинцовой потемневшей водой.

В темном доме пахло сухими цветами и бедой. Он голову мог дать на отсечение, что там пахло убийством.

С пробками что-то не то.

Когда бабушка-старушка уронила в воду фен, выбить должно было совсем другую линию или все пробки сразу. Если бы выбило все, их все бы и включили, когда нашли тело. Скорее всего выбило только ту пробку, которая «отвечает» за ванную. Ее включили, когда обнаружилось, что случилось несчастье, а на соседнюю никто даже не посмотрел, она так и осталась выбитой. Непонятно только, почему.

Или кто-то выключил ее случайно, когда выключал ту, другую, чтобы создать видимость короткого замыкания? Но если ту *выключили*, значит, дело вовсе не в том, что бабушка уронила в воду фен.

Или все это просто случайность, и пробки вылетают постоянно, только девушка Настя об этом ничего не знает?

Впрочем, решил Кирилл, это опять не его проблемы.

Это ее проблемы, и пусть она их решает как хочет. Как сможет.

Жара навалилась на Москву, как борец сумо на боксера веса пера. Бумаги липли к рукам, а рубахи к спинам, на станциях метро продавали хлипкие вьетнамские веера, подростки в закатанных штанах и без маек неподвижно сидели в фонтане на Пушкинской площади.

Спасть было невозможно.

Кирилл устал и хотел в отпуск.

Он с удовольствием думал о том, как прилетит в Дублин, где всегда семнадцать градусов и шумит холодный океан. Думал о крохотных прокуренных пабах и густом темном пиве в тяжелой кружке. Думал о предстоящем двухнедельном одиночестве, которое ценил больше всего на свете. Думал о прохладе маленького дорогущего отеля в самом центре города и ирландском виски в низком и широком бокале.

И совсем не думал о делах.

Дел было очень много. Перед самым отъездом в отпуск Кирилл собирался еще навеститься в Питер, где дела шли не так хорошо, как хотелось бы. Впрочем, Кирилл знал, что дела никогда не идут так, как хотелось бы, и не разделял пессимизма своих замов, как раньше не разделял их оптимизма.

Он вылез из-за стола, заваленного бумагами, и некоторое время лавировал по кабинету, вылавливая прохладную кондиционированную струю. Попав в нее, он замер в неподвижности, как сомлевшая от жары собака в тени акации. Осторожно, стараясь не делать резких движений, он оттащил от липкой груди рубаху и снова замер, чувствуя, как холодный воздух льется за воротник.

Через полторы минуты кипяток в голове превратился во что-то похожее на человеческие мысли.

До отъезда надо бы поговорить с начальником отдела маркетинга по поводу предстоящей в сентябре строительной выставки в Германии. Компания «Строймастер» традиционно участвовала в этой выставке, и каждый год повторялось одно и то же — ровно за неделю выяснялось, что к ней ничего не готово: никто не знает, где стенды, которые в прошлом году

были заботливо зачехлены и оставлены на складе, буклеты умерли в типографии, потому что запил наборщик, а имеющиеся безнадежно устарели, кроме того, их, конечно, не хватает, и неизвестно, хватит ли новых, даже если удастся привести наборщика в чувство, а весь отдел маркетинга вдрызг переругался на почве того, кто именно поедет в Дюссельдорф.

Ехать хотелось всем.

В этом году Кирилл, не полагаясь на начальника отдела, своей властью решил, кто едет, а кто не едет, распределил роли, раздал партии и велел докладывать ему каждую неделю. Первые две недели начальник бодро докладывал о делах, а потом все благополучно затихло, и Кирилл хотел знать почему.

Стараясь двигаться внутри холодной струи, он подошел к двери и выглянул в приемную. Секретарши на месте не было, и стало ясно, что придется идти самому.

В отделе маркетинга царили спокойствие и благолепие. Кондиционеры работали на полную мощность, а сотрудники раскладывали пасьянсы. За это Кирилл Костромин своих сотрудников ненавидел.

Став хозяином и начальником, он перестал понимать, почему люди вместо того, чтобы зарабатывать на работе деньги, тратят время на бесчисленные перекуры, чаепития, пасьянсы и разговоры по телефону с такими же ничем не занятыми страдальцами, сидящими в чьих-то чужих офисах. Всем сотрудникам за хорошую работу он платил щедрые премии, а за плохую устраивал головомойки, но ничего не помогало. Вдали от начальничьего глаза сотрудники продолжали благодушно бездельничать, и Кирилла это бесило.

— Где Бойко? — спросил он сразу всех, переполошившихся как куры, любителей пасьянса.

После нескольких секунд всеобщего смятения ответила Леночка Брускина, которая считала, что начальник к ней равнодушен, и мечтала предпринять что-нибудь такое, от чего он стал бы активно равнодушен.

— А... Виктор Григорьевич уехал. Сразу после обеда. Может, нужно что-то сделать, Кирилл Андреевич?

Сделать нужно было сто тысяч разных дел, но Кирилл не удостоил Леночку ответом.

— Куда уехал?

Сотрудники переглянулись. Шеф был что-то на редкость мрачен. На горизонте собирались тучи, и осторожно, словно пробуя силы, погромыхивал гром.

— Домой, — преданно глядя на Кирилла голубыми до отращения глазищами, доложила Леночка. — Он плохо себя чувствовал. Сказал, что поедет домой и вызовет врача.

Ну да, конечно. Врача.

Распалиться не было никакого смысла.

Чувствуя свинцовую тяжесть в затылке, от которой невозможно было повернуть голову, — верный признак надвигающегося бешенства, — Кирилл все же сказал:

— А что, ни у кого нет никаких дел?

Все молчали, смотрели на него зачарованно, как под гипнозом.

— Если дел нет, все свободны. Можно разъезжаться по домам.

И осторожно, строго контролируя себя, притворил дверь.

Секретарши на месте по-прежнему не было — должно быть, она тоже чувствовала себя неважно. Сверяясь по записной книжке, Кирилл набрал домашний номер начальника отдела маркетинга, где, ясное дело, никто не ответил, а потом еще один, мобильный.

С мобильным дело пошло веселее.

— Ну что? — спросил он, когда ответили. — Как ты себя чувствуешь, Виктор Григорьевич?

— Да что-то у меня с давлением не то, — слабым голосом ответил насторожившийся начальник отдела, «Алло» он произнес куда бодрее, — и сердце колет, и... давит с левой стороны.

— Врач был? — осведомился Кирилл.

— Врач? — переспросил начальник отдела упавшим голосом.

— Клизму поставил? — продолжал Кирилл Андреевич. — От твоей болезни самое лучшее средство — клизма. Это я тебе точно говорю, хоть я и не врач.

— Да у меня в самом деле давление, Кирилл Андреевич!

— Это у меня давление, — отрезал Кирилл, — а у тебя, Виктор Григорьевич, сегодня в машине на заднем сиденье сумка с ракетками валялась. По утрам ты в теннис не играешь, значит, сейчас поехал. Ты что, забыл, что мы вместе на стоянку заезжали?

Специалист по маркетингу молчал, как школьник на педсовете.

Все знали, что шефу свойственны сверхъестественная внимательность и умение замечать все вокруг, но, как на грех, именно сегодня Бойко об этом забыл. И дернул его черт сказать про врача!..

— Ты приезжай, — попросил шеф душевно, от чего у Виктора Григорьевича в желудке сделалось какое-то неприятное движение, — партию отложи и приезжай. Про Дюссельдорф потолкуем.

Нагнав на Бойко страху, он положил влажную трубку и вытер мокрый лоб. В Питере тоже тридцать три, и, похоже, до Ирландии и холодного океана он не доживет.

Он собирался уехать в субботу с утра, чтобы не угодить в чудовищные пятничные пробки. В пятницу, традиционный «день освобождения Москвы», выехать из города было невозможно. Мертвые пробки начинались от Кремлевской набережной и кончались где-то километров за сто от столицы.

Нужно позвонить матери, чтобы они не стали его искать, пока он будет в отпуске.

Звонить не хотелось.

— Мам, — сказал он холодно, — это я. Как ваши дела?

И старательно пропустил ответ мимо ушей.

— Мам, я в отпуск ухожу. На две недели. Я завтра уеду в Питер и оттуда улечу. Вернусь, позвоню.

— Опять за границу? — с тяжелым вздохом спросила мать.

— Да. Опять.

— И совершенно напрасно, — с ожесточением, продолжая давний бессмысленный спор, заговорила она, — что это за мода такая, на эту за границу? Тебе что, дома плохо? Что там может быть хорошего? Сплошной разврат и разложение! Ты бы лучше...

— Мне тридцать два года, — перебил ее Кирилл и взял со стола крошечную трубку мобильного, мечтая, чтобы кто-нибудь ему позвонил, прямо сейчас, в эту секунду, — я сам знаю, что мне лучше.

— Кира, ты очень странный мальчик. Ты же рос в нормальной семье, что с тобой случилось? Разве мы с отцом тебя так воспитывали? Что это за границы бесконечные, дела какие-то странные! Чем тебе плохо дома? Нужно любить свою родину и...

— Мама, я люблю свою родину. Я живу на своей родине и не собираюсь никуда уезжать, хотя мог бы. По-моему, этого достаточно.

— Что значит — мог бы?! Ты что, думаешь об отъезде?! Кира, ты просто сошел с ума! Я отрекусь от тебя. Мы все отречемся от тебя! Ты не наш сын, ты... ты... ты просто капиталист, без чести и без совести. Как ты можешь даже произносить такое?

— Ничего такого я не произносил, — сказал он с тоской, — все это ты произносишь, а не я. Мам, я не хочу больше слушать всякую чушь.

— Чушь? — чуть не завизжала мать. — Я говорю тебе о чести и совести, а ты смеешь говорить, что это чушь?! В кого ты превратился? Я учила своих детей быть трудолюбивыми, я учила вас чувству товарищества, взаимовыручки, ответственности за свои поступки, я учила вас отличать истинные ценности от всего наносного и пошлого...

— Мама, я вовсе не пионер-герой, — перебил Кирилл, — ты меня с кем-то путаешь.

— Ты погряз в мещанстве, — констатировала мать торжественно, — ты просто вырос слабым и не смог сопротивляться влиянию Запада. Ты всегда любил вещи больше, чем людей, и поплатился за это. Неужели ты на самом деле думаешь, Кира, что живешь правильно? Неужели ты можешь хоть чем-то оправдать себя? Неужели твои грязные деньги не жгут тебе руки?

— Пока, мам, — попрощался Кирилл, — я позвоню, когда прилечу из Дублина. Отцу привет передавай.

— Отец о тебе и слышать не желает, — сообщила мать с гордостью, — ты — наша ошибка, Кира.

— Роковая, — согласился Кирилл, положил трубку и подул на мокрые пальцы.

Он — ошибка. Его засосало мещанское болото. Странно, что она не сказала, что он должен очиститься, запеть «Марсельезу» и устроиться на завод, чтобы тяжким трудом смыть с себя позор бизнесменского прошлого.

Деньги — гадость. Достаток — зло. Мечтать о материальном — низко. Не имеет значения, во что ты одет, имеет значение только твое внутреннее содержание. Все, кто с этим не согласен, — недостойные ничтожества. Помыслы должны быть чисты и мысли возвышенны, только тогда ты имеешь право называться человеком.

Зачем тебе джинсы? Вовины брючки вполне ничего, ты в них еще год проходишь. Какое имеет значение, что все над тобой смеются? Они просто дураки и ничего не понимают, только и всего. Зачем тебе в парикмахерскую? Мама отлично тебя подстрижет, лучше всякой парикмахерской.

Конечно, лучше. В парикмахерской нужно было оставить целый рубль, а взять его, несмотря на все презрение к деньгам, было негде.

Яблоки раз в году, в августе, из собственного сада. Яблони были старые, яблочки мелкие и несладкие, с почерневшими

бочками. Есть их было невкусно, но других не было. Шоколадкой его в первый раз угостили в школе, и он потом каждый день приставал к Наде Суриковой — может, даст еще. Колбаса только по праздникам, тоненький кусочек колбасы на толстом-претолстом куске хлеба. Всю весну и осень он ходил в школу в растоптанных ботах, таща в мешке «сменку», полотняные тапочки на резиновом ходу. Зеленые кримпленовые брюки, перешитые бабушкой из отцовских, натирали кожу между ног, а других у него не было. Цигейковая шапка была велика — почему-то она была ему велика всю жизнь — и съезжала на нос, мешая видеть. Примерно до третьего класса отец привозил его в школу на велосипеде. Сидеть было неудобно, попка затекала, ноги свешивались и болтались как макаронины, в штанинах полоскался холодный ветер. Прохожие провожали их недоуменными взглядами — никто не ездил зимой на велосипеде, да еще с ребенком. Родители одноклассников его жалели, одноклассники — смеялись.

К семнадцати годам он укрепился в ненависти к образу жизни, который вела его семья, и подался в хиппи — протестовать. В восемнадцать понял, что от протестов такого рода нет никакого толка, и устроился на курсы водителей. Потом некоторое время работал сменщиком у шоферов большегрузных машин на дальних трассах.

Родители к его метаниям относились со снисходительным пониманием — они готовы были уважать свободу личности, занятой поисками своего «я», пока не выяснилось, что личность ищет не столько свое «я», сколько где бы побольше заработать.

С тех пор все и началось и продолжалось по сей день, когда выяснилось, что Кирилл — ошибка. Урод.

Ну и ладно. Урод так урод.

Он уедет в Питер, а потом в Дублин и думать о них забудет до самого возвращения. Ему и без них есть о чем подумать.

Тем не менее он думал о них.

Думал, когда разговаривал с проштрафившимся Бойко, думал, когда приехал домой, думал, когда выбирался из Москвы по узкому Ленинградскому шоссе.

Чем он им не угодил? Он хотел только одного, чтобы семья оставила его в покое, а она никак не оставляла. Если уставала мать, в дело вступали сестры и — реже — братья. Кстати, братья быстрее всех поняли, что воспитывать Кирилла — дело гиблое.

В вечернем Питере было свежо и солнечно и не московскому просторно. Питер вообще был просторней Москвы и как-то логичней, что ли. Кирилл всегда приезжал сюда с удовольствием, зная, что этот город действует на него, как аспирин на больную голову.

Так и сейчас. Пробираясь к «Рэдиссону» по Владимирскому проспекту, он и думать забыл о своей семье и о том, что он — урод.

Знакомый портье за блестящей конторкой улыбнулся знакомой улыбкой и неуловимым движением подозвал носильщика в форме, хотя у Кирилла был только один чемодан на колесах — он никогда не брал с собой в поездки много вещей.

— Я в понедельник должен улететь в Дублин, — сказал Кирилл, пока портье торопливо строчил в розовых бумажках, — а машину хотел бы оставить на вашей стоянке. Я вернусь через две недели и еще дня два у вас поживу. Это возможно?

— Конечно, Кирилл Андреевич, — не отрываясь от бумажек, заверил портье любезно, — записать, чтобы в понедельник вызвали такси? К которому часу?

— Я точно не помню. Утром. Я потом посмотрю в билете и скажу.

— Конечно. — Портье выхватил ключ, за спиной у Кирилла оказался носильщик с его чемоданом. Попавшийся навстречу господин австрийско-немецкой внешности улыбнулся широко и радостно. Кирилл вспомнил, что в прошлый приезд столкнулся с ним в бассейне. Кроме них, там никого

не было в полседьмого утра, и они чувствовали себя почти что родственниками.

Это был привычный, удобный, красивый и богатый мир, который Кирилл очень любил и за пребывание в котором готов был бороться не на жизнь, а на смерть. Даже с собственной семьей.

Давно уже он не думал о ней так много.

Он открыл золоченый кран и некоторое время с удовольствием смотрел, как вода веером летит в блестящую ванну, быстро и весело наполняя ее, а потом стал расстегивать рубашку. Нужно сунуть вещи в пакет, чтобы завтра ему все постирали и погладили, все-таки целый день он просидел в машине, мокрый и жаркий.

Он долго лежал в ванне, добавляя то холодной, то горячей воды, и вылез из нее абсолютно счастливым человеком. Не вытираясь и не одеваясь, он прошлепал к телефону и позвонил начальнику своего питерского филиала, который ждал звонка, отвечал быстро и толково и ничем Кирилла Костромина не расстроил. Договорившись, что завтра в десять Кирилл Андреевич ждет его в «Рэдиссоне» к завтраку, они попрощались.

Визитки, вытряхнутые из кармана пиджака, лежали на покрывале, как карты.

В казино, что ли, сходить?

Кирилл ничего не понимал в азартных играх и слишком любил свои деньги, чтобы неизвестно зачем рисковать ими, и про казино подумал просто так, потому что слово лучше всего соответствовало вечерней отельной праздности.

Он перебрал визитки, которых было много, собираясь выкинуть ненужные, и перед ним вдруг мелькнула Анастасия Сотникова, набранная бодрым черным шрифтом.

Кто такая Анастасия Сотникова?

Да. Конечно.

Покойная бабушка, островерхий дом, Финский залив, зажженный солнцем, Аполлон по имени Кира, чахоточная машина и неизвестно почему вылетевшие пробки.

Девушку он помнил хорошо, а вот имя позабыл. Она очень старалась не плакать и сварила ему кофе. В таком кофе черти в аду, наверное, топят грешников. У нее были независимые плечи, тугой хвост темных волос, белые зубы и очки. Да, и портфель. В отличие от большинства знакомых ему девиц, она выглядела... как бы это сказать... очень интеллигентно.

Он даже не знал, что у него есть ее визитная карточка. В карточке было написано, что она менеджер по связям с общественностью. Организация именовала себя «Научно-производственное объединение «Орбита».

Кирилл усмехнулся. Интересно, кто придумывает эти названия? Чем, судя по названию, может заниматься НПО «Орбита»? Только запуском межпланетных спутников или на худой конец проектированием космических кораблей. На самом деле они, скорее всего, выполняют заказы на полиграфию или что-то в этом роде.

Кирилл задумчиво почесал нос кусочком белого картона. Выбросить? Вряд ли ему когда-нибудь понадобится Анастасия Сотникова, менеджер по связям с общественностью.

Или не выбрасывать?..

Он посмотрел на карточку, потянулся к телефону и быстро набрал номер.

Зачем он звонит?! Что он станет говорить, если, не дай бог, дозвонится?! Вечером в субботу в офисе никого не должно быть, поэтому он сейчас положит трубку и...

— Алло, добрый вечер, — приветливо сказали в трубке.

— Добрый вечер, — пробормотал Кирилл, не ожидавший ничего подобного, — с госпожой Сотниковой я могу поговорить?

— Конечно, как вас представить?

Представьте меня в ванне голым, хотелось сказать Кириллу, что было, в общем, недалеко от истины, но бодрый голос в трубке спрашивал о другом.

— Меня зовут Кирилл Костромин, — пробормотал он, злясь на себя все сильнее.

— Одну минуточку, пожалуйста.

Он решил, что положит трубку при первых же тактах гнусной мелодии, которая тотчас же потекла прямо в его ухо, но не успел.

— Да, — нетерпеливо сказал незнакомый женский голос.

— Меня зовут Кирилл Костромин, — выговорил он, глядя в потолок. Потолок был высокий и очень белый. — Вы меня помните?

— Конечно, — быстро ответил голос, и Кирилл чуть не упал с дивана. Это прозвучало, как будто она всю жизнь сидела у телефона, ожидая, когда он наконец позвонит. — Конечно, Кирилл Андреевич.

Нужно было говорить дальше, а он решительно не знал — о чем.

— Вот хорошо, что вы позвонили, — продолжал быстрый голос в трубке, — мне обязательно нужно с вами увидеться. Вы можете? Вы где? В Питере? Или в Москве?

— Со мной увидеться? — уточнил Кирилл осторожно. Ему показалось, что она принимает его за кого-то другого. За свою Киру, к примеру.

— С вами, Кирилл Андреевич. Вы можете со мной встретиться?

Он ничего не понимал.

— Могу, конечно. Я только что приехал. Если хотите, подъезжайте в «Рэдиссон». Знаете, где это?

— Знаю. На Невском. Как хорошо, что вы позвонили!.. Я приеду минут через двадцать. Мы не очень далеко, на Съезжинской.

— Я вас встречу внизу, — сказал Кирилл. Он не ожидал такого натиска. — У вас что-то случилось?

— Да, — сказала она, — я расскажу.

И положила трубку.

Она не вошла, а влетела в прохладный вестибюль и завертела головой, как сорока, отыскивая его.

Кирилл неторопливо сложил газету и поднялся из кресла. Газета была англоязычная и задумывалась неспроста.

— Госпожа Сотникова!

Она обернулась, придерживая локтем все тот же необъятный портфель, и улыбнулась с облегчением, увидев его.

— Здравствуйте, Кирилл Андреевич.

— Здравствуйте.

У нее было бледное напряженное лицо, лоб влажно блестел, и волосы, не стиснутые заколкой, оказались гладкими и блестящими. На его газету она не обратила никакого внимания. Ему стало смешно.

Когда в последний раз он таким способом хотел произвести впечатление на барышню?

— Господи, это просто счастье, что вы позвонили! Я... совсем не знаю, что мне делать.

— А что вы должны делать? — спросил он неторопливо. — Хотите кофе? Или, может быть, поужинаем? Раз уж у нас такая традиция?

— Какая традиция? — Она посмотрела ему в лицо. Беспокойство было больше ее глаз, не помещалось в них, выплескивалось наружу.

— Что мы внезапно приглашаем друг друга ужинать.

— Да, — сказала она, — можно и поужинать. Только здесь дорого, наверное.

— Ничего, — сдержанно ответил он, — я справлюсь. Не волнуйтесь.

Народу в ресторане почти не было, но она все равно ушла в самый темный угол.

— Мы играем в шпионов? — спросил он, усаживаясь и доставая сигареты. Она печально взглянула на него.

— Не знаю. Я ничего не понимаю, Кирилл Андреевич. И мне страшно.

Кирилл внезапно заподозрил неладное:

— Вы вновь поссорились с вашим фактурным возлюбленным? И он теперь вас преследует?

Она посмотрела, на этот раз удивленно.

— С кем? С Кирой? Нет, с ним все в порядке. Дело совсем не в нем.

— А в ком?

Неизвестно, чего он ожидал, но то, что с Кирой «все в порядке», ему не понравилось.

— В моей бабушке, — сказала она, понизив голос, — которая умерла. Помните, я вам рассказывала?

Он все отлично помнил.

— Я даже не знаю, как это сказать. Я мучаюсь уже две недели. Это какой-то кошмар. — Она наклонилась к своему портфелю, волосы упали на бледную щеку, и Кирилл как будто узнал это ее движение — сейчас она вытащит сигареты и будет долго копаться в поисках зажигалки. Она положила сигареты на стол и стала рыться в портфеле.

— Возьмите мою, — предложил он.

— Спасибо. Да где же она? Я же ее сунула! А, вот.

Она вынырнула из-под стола, зажав в кулаке желтую зажигалку.

— Вы только не подумайте, что я свихнулась окончательно. Я совершенно нормальная. И мне кажется, что моя бабушка не умерла от несчастного случая. Мне кажется, что ее... убили.

Это было так неожиданно, что Кирилл забыл прикурить свою сигарету. Он ничего не говорил ей про пробки и про свои сомнения, тогда в чем дело?

— С чего вы взяли?

— Я нашла фен, — выпалила она и посмотрела по сторонам, — тот самый, который бабушка уронила в воду. Из-за которого она умерла. Мама с Мусей почему-то его не выбросили. Он лежал в шкафчике в ванной. В пакете.

— Ну и что?

— Кирилл Андреевич, это совсем не тот фен. У бабушки был *другой*.

— Какой другой?

— Я подарила ей фен на день рождения два года назад. Фирмы «Браун». Маленький белый фен. У нее не было другого. Она вообще никаких фенов долго не признавала, считала, что они портят волосы. Так вот. В пакете серый фен. Довольно большой. На нем написано что-то вроде «профессионал», я особенно не рассматривала. Я сразу поняла, что это *не тот* фен.

— Почему вы уверены, что ваша бабушка именно его уронила в ванну?

— Маме его отдали, как только бабушку... увезли. Я сто раз у нее спросила. Я ничего ей, конечно, не говорила, но она сказала, что его вытащили из ванны. Понимаете?

По горлу у нее прошло движение, и она сильно затянулась сигаретой.

— Никто из нас не жил вместе с ней. Это просто случайность, что я точно знала, какой именно у нее фен. Потому что это я подарила. — Она снова сильно затянулась и неожиданно спросила шепотом: — Что мне теперь делать, Кирилл Андреевич?

Она спрашивала его так, как будто он был Шерлоком Холмсом, а она перепуганной мисс Мэри или мисс Сарой, обратившейся к нему за советом. Что там он должен сказать по сценарию? «Ватсон, это дело как раз на одну трубку»?

— Я не знаю, что вам делать, — сказал Кирилл Костромин, — прежде всего, это нужно проверить.

— Ничего не нужно проверять. Это не ее фен. Ее фена в доме нет, я все обыскала.

— Вы кому-нибудь рассказали об этом?

— Нет. Никому.

— Даже вашей Кире?

— Кира тут совсем ни при чем, — сказала Настя с досадой, — я никому не могу про это рассказать, кроме вас.

— Почему кроме меня?

— Потому что вы были тогда со мной в доме и... сочувствовали мне.

— Я не специалист по расследованию убийств.

— Я не прошу вас ничего расследовать. Вы только посоветуйте мне, что делать. Что я теперь должна делать?

— Не знаю.

Она замолчала. Пальцы, стискивавшие зажигалку, разжались, и Кирилл увидел, что рука у нее дрожит. Зажигалка пластмассово щелкнула, взметнулось невысокое пламя, осветило снежную скатерть и тонкие пальцы.

— Из милиции меня пошлют куда подальше, — сказала она и снова щелкнула зажигалкой.

— Пошлют, — согласился Кирилл.

Он все никак не мог осознать, что она толкует ему про убийство.

Зачем он позвонил?! Да еще газетку из стойки вытащил и посиживал с ней, сделал умное лицо, — все для того, чтобы показаться недоступным, хорошо образованным, соответствующим интерьерам роскошного отеля, процветающим и несколько утомленным столичным бизнесменом, милостиво согласившимся на свидание.

Черт знает что.

Хуже всего было то, что еще тогда, в доме, он понял, что дело нечисто. В доме пахло не просто бедой. В доме пахло убийством, хотя он совершенно не мог объяснить, почему.

И пробки выбило так странно.

Он не мог сказать ей, что у нее паранойя, так как носом чувял, что дело вовсе не в уроненном в воду фене.

— Ваша бабушка была богатой женщиной?

Настя нетерпеливо дернула головой:

— Я сто раз об этом думала. Я очень люблю детективы, а там всегда первый вопрос про завешание. У нее дом и квартира в Питере, на Каменноостровском проспекте. В ней живет тетя Нина, папина сестра. У бабушки двое детей, мой папа и тетя Нина. Папе она оставила свою «Волгу», тете Нине квартиру. Мне — дом. Сережке, это тети-Нинин